

Алексей ЯШИН
г. Тула

Болдинское межсезонье

Паноптикум молодых характеров

Все полагают, что на Руси жизнь скучна своим однообразием, и ездят отсюда за границу раз влекаться (здесь и далее выд. Н. С. Лесковым. – Авт.), тогда как я утверждаю... что жизнь нигде так не преизобилует самыми внезапнейшими разнообразиями, как в России. По крайней мере я уезжаю отсюда за границу именно для успокоения от калейдоскопической пестроты русской жизни.
Н. С. Лесков. «Смех и горе»

Сразу оговоримся, что не столько хрестоматийная «болдинская осень» в холерном карантине гения русской поэзии подсказала нам в затворничестве самоизоляции известной пандемии название этих заметок – пусть кто как хочет их именует: очерки, рассказы и пр., – но соседство с моим домом улицы, названной в честь героя Великой Отечественной войны генерала Болдина. То есть наш небольшой квартал, домов в десять, пятиэтажек, по направлению юг-север располагается между глав-

ным проспектом Тулы имени величайшего практика создания социализма Владимира Ильича Ленина и улицей Фридриха Энгельса, основоположника диалектического материализма (Маркс «отвечал» за политэкономии). Торцами прямоугольник квартала с одной стороны упирается в сквер с памятником Льву Толстому (скульптор Буюкин, архитектор Колчин, 1973), с другой – в коротенькую улицу Болдина.

А межсезонье – вместо пушкинской весны? Это по причине отсутствия в этом году зимы как таковой. Только дважды наблюдался легкий морозец, державшийся по полтора-два дня. Словом, с осени по весну, включая и их по преимуществу, многомесячное межсезонье, на которое, чтоб до кучи! и зловещая эпидемия наложилась. Даже людям верующим, воцерковленным негде и свечку за избавление от напастей поставить: в домах давно образа из обихода вышли, а храмы на карантине...

Итак, ниже представлены короткие по формату (привычное слово) «вещицы». И не удержимся в заключении «идеологического предисловия» (как в советских изданиях книг), процитировав Н.С.Лескова:

«Поэт того же мнения, что правда не годится, и даже разъяснил мне, почему правды в литературе говорить не следует; это будто бы потому, что «правда есть меч обоюдоострый» и ею подчас может пользоваться и правительство; честность, говорит, можно признавать только одну «абсолютную», которую может иметь и вор, и фальшивый монетчик».

Вообще-то, ниже речь пойдет о нынешних молодых людях Федерации Российской...

17D-водка оцифрованная безалкогольная

Вовка Шевляков после окончания университета по специальности культурологии, в которую его впахнула мать, школьная учительница музыки – по своей приязни к гуманитарности и полному отсутствию у чада способностей к чему-либо, по давним, позднесоветским знакомствам все той же хлопотуньи матери, пристроился в областную администрацию.

Поскольку материн протектизм имел не слишком выдающийся статский чин, то Вовку определили в захудалый бабский департамент, каковые уже несколько лет как переименовали в «министерства», а именно по стезе наробраза, на начальную мелкую должность, неопределенно именовавшуюся «специалист». «Министром можешь ты не быть, спецом диплом тебя обяжет», – тяжеломерно скаламбурил отец, после развала оборонного завода, где начальствовал сборочным цехом, умудрившийся занять крохотную автошколу.

Если в духе времени административного восторга областные департаменты переименовали в министерства, то и по нисходящей сделали передвижку к более громким наименованиям: бывшие отделы сейчас назывались департаментами. Вовка попал в таковой, что уже не уместился в огромном здании администрации, бывшего обкома и исполкома, в центре города, а занимал отдельный двухэтажный дом в южной части города, впритык к студгородку родного Вовке универа.

Когда-то, в конце сороковых годов, на самой южной окраине города построили завод технической резины, а вдоль длинной улицы, упирившейся в заводской забор, соорудили уйму двухэтажных барачных для рабсилы из окрестных деревень и выходящей из тюрем местной шпаны. В девяностые «лихие» и в начале нулевых все эти бараки, исключая самый непригодный, отданный местной писательской организации, расселенные в «золотые» семидесятые советские годы, прибрали к ловким рукам и переделали в этикие фальшивые теремки с надстроенными парижскими мансардами. Дом с

Вовкиным департаментом, миновав ловкие руки, оказался в муниципальной собственности.

Вовка не то что бездельником и полным дураком к своим двадцати трем годам подошел, просто бог не дал ему с рождения этих самых конкретных способностей, а из умений, учитывая мало-воспитательные годы его созревания, приобрел только самые расхожие в школьной и студенческой среде. Здесь особо и говорить нечего.

Ничтожный чин Вовки в бабском департаменте с основным достоинством – мадам провинциальная министерша и весь кагал средне-высшего начальства далеко, через полгорода, вовсе не удручал его: неясно-оптимистическое отрочество как-то само собой, явно с оглядкой на наступившую окрест суконно-цинковую жизнь, перешло в замедленно-сонную юность и далее раннюю молодость. Здесь он тоже ничем не выделялся из среды сверстников. И девица у него необременительная как у всех – с местом для уединенного общения; комп и смарт с инетом скрашивают домашние вечера...

На службе время шло неторопко, но и необременительно. Вовка просто «выключал» свою голову в будние дни с девяти ноль-ноль до восемнадцати с теми же двумя нулями. Директорша уединенного департамента Евгения Яковлевна, дама отчаянной молочно-восковой спелости, пользовавшаяся вниманием солидных мужчин города, редко наблюдалась во вверенном ей присутственном месте, обретаясь преимущественно в свите министерши. Поговаривали департаментские, что «Евгеша» готовит себе место в администрации позначительнее. Словом, если она и помнила о своем подчиненном Вовке Шевлякове, то скорее всего по редкостному в ее бабьем царстве мужскому полу.

Но вот непосредственная столоначальница, то есть заводделом, Вовки Елена Викторовна являлась классической наробразовской руководительницей среднего звена, поскольку вышла из советских гороновских работников. Опять же ее предпенсионный возраст заставлял, с одной стороны, вести себя настороженно ко всем и всея, а с другой – не допускать ни малейшей оплошности в работе подотчетного ей отдела. Огромный жизненный и руководящий по мелочам опыт Елены Викторовны говорил, что где тонко, там и рвется. То есть наибольшее вероятие огрехов приходится на молодых сотрудников, тем более молодых мужиков в бабской среде. Именно поэтому с самого явления Вовки Шевлякова в отдельской продолговатой комнате со стеклянной отгородкой кабинета начальницы, с восемью сотрудницами в возрасте от тридцати до пятидесяти лет и одним мужиком лет сорока пяти – пятидесяти с несколь-

ко мутноватой биографией, но взятым в отдел за умеренное знание компьютерных заморочек, в чем бабье не разбиралось... так вот, с появлением Вовки Елена Викторовна взялась за его приучку к работе и департаментскому политесу.

«Держись, Вован, – доверительно по мужскому компатриотству сразу предупредил новобранца компьютерщик Серега, как он рекомендовал себя называть, – Викторовна есть продукт совка в его худшем бабьем, гороновском качестве. Это по работе, хотя по жизни-то добрая, внучатая». Серега имел инязовское педагогическое образование и хорошую память; несмотря на помятость лица по понедельникам, иногда щеголял латинизмами, дескать, «*summa jus summa injuria*», – успокаивал он Вовку после легкой вздрючки от начальницы, – то есть высочайшее право есть высочайшее бесправие; это по-русски означает, что я – начальник, ты – дурак. Плюнь! Заглянем-ка лучше после звонка в хорошо тебе знакомую по учебе в универе «Наливайку», а?» Заглядывали, и не раз. Обычно по числу воспитательных вздрючек.

При всем своем наплевательском безучастии к служебным делам Вовка морщился, вспоминая первый язвительный выговор начальницы.

– Ну-у, Владимир, – на втором месяце его службы сказала Елена Викторовна, позвав его в свой стеклянный закуток, – полагаю, вошел уже в общий курс, то есть направленность работы нашего отдела, да? Потому первое тебе самостоятельное задание: сейчас по разным отделам готовят доклад для Евгении Яковлевны на педагогической конференции нашего федерального округа, читай – почти всей страны. От нас затребована развернутая справка по современному состоянию цифровых технологий в школьном образовании. Конкретику по нашему региону тебе наши сотрудницы соберут – у них вся статистика по школам ведется. Ты же все свяжешь воедино, ну и теории общей, как в докладах такого уровня принято, где надо подбросишь. Почему тебе поручаю? Наши девушки, – здесь начальница неопределенно подняла на секунду брови, – уже давненько по времени свои университеты пооканчивали; ты же прямо со студенческой скамьи – тебе и карты в руки, в курсе новейших веяний в цифровом образовании, а оно сейчас семимильно шагает, год-два, и отстал от новаций. И красной нитью в этом документе современный девиз: от слова к цифре! Все понятно?

Вовке опять приметилось, что при словах девиза у пенсионной Викторовны по-старушечьи совсем, хотя и в бодрой форме себя держала для своих лет, вроде как смигнул правый глаз (очков она не носила).

– Понял, Елена Викторовна.

– И хорошо. Вере я уже объяснила. К концу дня она тебе на компьютер статистику и данные нужные перебросит. Сроки торопят, три дня тебе. Затем я просмотрю, если будут замечания – исправишь. Вот методичка министерская, в смысле российского минобра, оттуда вводную, структуру и стиль изложения возьмишь. Иди, трудись.

Проходя от «стекляшки» начальницы по пенальной комнате отдела к своему столу, последнему в ряду перед входной дверью, он застопорился на миг у стола Веры, незамужней, тридцатипятилетней, поэтому отчаянно молодящейся, которую от скуки офисной жизни явно потянуло на молодняк при появлении в отделе Вовки, молча вопросительно кивнул ей подбородком, еще пока робко зараставшим уже третий год модной кадыкастой бородкой «под игиловца». Также по моде он и прическу содержал с выстриженными висками и заушинами – опять же под хохлацкий оселедец.

– Во-о-вик, – с игривой растяжкой откликнулась она слегка густоватым от курения контральто, – задание получено, после обеда скачаю тебе. Яволь, мой каптен! – Шаловница, как и Серега, некогда учившаяся на инязе местного педа в части не востребовавшегося сейчас немецкого языка, шутливо козырнула.

Вовка отсалютовал в ответ и двинулся на свое местопребывание, почему-то думая не о мудреном задании, а о наращенных ногтях Веры и еще двух сослуживиц чуть помоложе: «И как они умудряются столь бойко тарабанить по клавишам с такими когтями?»

Поскольку его герла Нонка еще вчера позвонила, что родняки на выходные, с вечера пятницы по раннее понедельничное утро, уезжают на дачу для сентябрьского сбора чего-выросло, то, в предвкушении двух дней и трех ночей в постели, на удивление самому себе, неприязненная было поначалу, скукотичная работа как-то пошла. Не всяко лыко в строку, но компиляция данной Викторовной методички и статтабличек от Веры все же укладывалось во что-то связанное. Заглядывая в принесенный из дома университетский учебник информатики, даже с обьявившимся вдохновением, так что пальцы скакали воробушками по клавиатуре, сочинил и потребную отсебятину, связывая фразы учебника, минообразовской методички и данные Вериных таблиц.

Чувствуя себя молодцом, по-гусарски подвигаясь поочередно плечами – только ментика на правом не хватало! – прошел пенал комнаты, предупредительно кашлянув, вошел в стеклянную загородку начальницы, молча положил на угол ее стола победительную папочку с листами распечатки.

– Угу, в срок, – безразлично одобрила Елена Викторовна, не поднимая головы, углубленная в явно спешные бумаги, – иди, в выходные посмотрю, домой возьму. Будут замечания, так до понедельника.

– Вот и чиновником, брателло, становишься, мелкая радость от ненужной работенки воспыла-ла, – незлобиво и необидно заметил Серега, выходя вместе с Вовкой из департамента после отбойного звонка, – а что? может, в «Наливайку» ностальгическую в честь окончания труднедели?

– С удовольствием бы, но... – с некоторой потерей бдительности, к которой все наущал его отец, Вовка вкратце рассказал о выходных днях с кем надо, которые начинаются с раннего пятничного вечера.

Серега пожелал успехов в серьезном, не канцелярской чуши, мужском деле и, отсалютовав, уверенно двинулся в сторону недалекой «Наливайки», «Jeden das Seine», – упомянул он, тоже, как и Вера, выпускник по непопулярному ныне немецкому отделению (английский неосновой) иняза, – каждому свое, как фрицы по Геббельсу на воротах концлагерей вывешивали. Да-а, кому с девчонкой двое суток развлекаться, а мне домой тащиться. Хоть в «Наливайке» взбодрюсь!

Вовка же, плексигласово глухо позвякивая в напечной сумке взятыми с утра из дома дисками оцифрованных порнофильмов, заскочил в ближайший по ходу «Спар», закупил требуемое для вдохновения и едова, раздосадованно отогнал мыслишку о собственной машине, до которой еще два-три года мечтать, дождался нужный номер автолайна и покотил к Нонке. Матери еще вчерашним вечером сказал о приятельских выходных. Та с серьезным воспитательным видом восприняла явный секрет Полишинеля, неопределенно помечтав о внуках.

Явно огорчив мать в ее мечтаниях о внуках преимушественным французским прононом в их с Нонкой программе на выходные дни, в понедельник Вовка тем же обратным маршрутом автолайна еще за четверть часа прибыл в департамент вальяжно-усталым и с полностью чистой от служебных мыслей головой. Пенальная комната отдела понедельнично, то есть без обычных казенных шуток (Серега с традиционно помятым, но до синевы, по-офицерски, как он говорил, выбритым лицом), наполнялась до штатной численности: в сентябре охотников до отпусков не наблюдалось.

Лаврового венца от Викторовны Вовка не ожидал, но на служебную сухую благодарность где-то в глубине души рассчитывал. И даже вдохновенность от двух суток с добавком постельных утех не помогла ему стойко выдержать, не заикаться на выговоре начальницы, которая, не вы-

зывая в свой кабинетик, нарочито сама вышла в люди, подошла к Вовке и с обидной аккуратностью положила на его стол давешнюю папочку:

– Владимир Олегович! Просьба к окончанию рабочего дня перевести эту... это на русский язык. Замечания в тексте, – не повышая выдержанно голоса, но всем слышно – у женщин ушки топориком! – впервые официально назвав молодого подчиненного по имени-отчеству, произнесла Елена Викторовна и направилась к выходу из отдельской комнаты.

– Я на пятиминутку к Евгении Яковлевне, – и вышла аккуратно, без стука, затворив за собою дверь.

Вовка, как бы ища поддержки, обвел взглядом сидящих впереди него женщин и Серегу. Только последний полуобернулся и хмуро подмигнул, мол, держись, казак, атаманом станешь. Бабы же, заученно уловив интонацию начальницы, никак не отреагировали. Даже неопытный еще в тонкостях канцелярского климата Вовка ощутимо почувствовал вокруг себя вакуумную прослойку, отделившую его персону от коллектива.

Посидев полуостолбенело с пяток минут, вынул из папки свои листы. В глазах зарябило: почти все слова, отдельные предложения и даже целые фразы разноцветно выделены корректировочными маркерами разных цветов. На экономной четвертушке блокнотной бумаги каллиграфическим почерком Елены Викторовны язвительно написано: *«Ув. В. О.! Убедит. просьба к окончанию сегод. раб. дня перевести на нормативный русский язык Вашу справку. Красным отмечены американизмы, желтым – примитивизмы, жаргонизмы, варваризмы и несуразные неологизмы, а зеленым – предложения и абзацы с явной функциональной неграмотностью».*

Без подписи, только сегодняшняя, значит, напоминающая о сроке исправления дата. Вот тебе и французская любовь с американо-нижегородским акцентом! И как же он забыл инструкцию Сереги, когда проставлялся перед ним после первой зарплаты в «Наливайке». Дескать, Викторовна-то наша из учительш русского языка и литературы советского воспитания-образования!

За своим столом с десяток минут Вовка, утупясь, смотрел на разложенные в ряд листы своего творчества, не хуже художника абстракционистской ориентации расцвеченные маркерами начальницы. Никакие соображения в голову не лезли. Шедшая на выход с бумагами в другой отдел Вера, опасливо оглянувшись на стеклянную дверь в дальнем конце комнаты, остановилась, опытным взглядом мигом схватила суть записки Елены Викторовны, шепнула Вовке:

– На компе по поисковику в словаре новых слов и выражений смотри. – И на несколько секунд остановившись, половчее устроив на суховатой груди, прижав ладонью левой руки, кипу бумаг, проследовала к двери.

Вовка вышел из ступора, начал, все более увлекаясь, как в старинной компьютерной игре с покемонами, стучать по клавишам. К малому десятиминутному перерыву в одиннадцать он уже распечатал лист с переводом на русский отмеченных Викторовой слов. На другом листе вывел определение: что такое примитивизм, жаргонизм, варваризм, неологизм и таинственная функциональная неграмотность.

К сожалению, всезнающий интернет не осилил перевод аббревиатуры 3D и термина дорожная карта. Выбегавшего ровно в одиннадцать инязовца Серегу остерегся останавливать: по понедельникам он в малый перерыв мчался спринтерски в недалекую «Наливайку», по советской традиции открывающуюся в этот ностальгический час, острограммиться. Но по скорому возвращению, подобревший и слегка порозовевший, он сам остановился у Вовкиного стола, дескать, чем молодому дружану помочь? Вовка указал на аббревиатуру и словосочетание.

– Как два пальца об асфальт; 3D – это американское от three dimensional, то есть по-русски трехмерный, пространственный, а хочешь – объемный. Последнее, когда о жидких телах речь идет... та же водяра. А дорожная карта – это последовательность исполнения, перечисление и прочее. На Западе тупари обитают, обычную автомобильную карту не соображают понять, поэтому у них и заведены эрзац-карты: ищешь страницу с дорогой, по которой едешь, а там, в порядке перечисления, названия всех городов, деревушек и автозаправочных станций, что по пути следования. Насколько помнится, эта калька с американского у нас и во все языки вошла лет десять тому назад после очередной заварушки израильско-палестинской. И очередное перемирие они называли «дорожной картой постепенного согласования» или что-то в этом роде. Дерзай, юноша!

Начал на компе кардинально править свое изделие, увлекся, даже на обеденный перерыв не отвлекаясь, удивлялся про себя: ведь и по-русски можно о чем угодно написать, да как гладко-то все читается! Разобрался кое-как и с функциональной неграмотностью. Под финиш все загнал в программу орфографии и пунктуации, а за четверть часа до отбойного звонка, изобразив на лице мудрую усталость, отнес начальнице распечатку. Елена Викторовна при нем, задер-

жавшись на десяток минут после шести, внимательно прочитала, после чего снисходительно-воспитательно посмотрела на подопечного:

– Ведь можешь же! Я здесь тебе еще пяток слов исправила, три лишние запятые убрала, а четыре нужных поставила. Сейчас внеси все это в окончательный текст и отправь по электронке референту Евгении Яковлевны.

...К полудню следующего дня к Елене Викторовне зашла референтша – кобылистая, с очаровательной косинкой глаз, под стать своей директорше «кровь с коньяком». О чем-то они недолго поговорили за стеклянной дверью. Референтша ожившей скульптурой Венеры Милосской проследовала через комнату, а Елена Викторовна, приоткрыв дверь, позвала Вовку.

– Смотри, медаль за усердие дадут, – добродушно пулънул ему вслед Серега, уже побывавший в «Наливайке».

Начальница, вроде как даже с оттенком смущения в глазах, не усаживая подчиненного, коротко сказала:

– Э-а, Владимир, отправь на адрес референта первоначальный вариант твоей справки.

– А в чем дело, Елена Викторовна? Я же все ваши замечания учел... сами одобрили...

– Не знаю, как тебе объяснить. Говорят, тяжелоесно получилось, без современной, привычной сейчас лексики... Впрочем, не задумывайся, иди, работай. Без нас разберутся.

К следующей осени молодцевато заматеревший, привыкший не задавать лишних вопросов, сбивший – по попечительному совету Елены Викторовны – дурацкую иглиловскую бороденку, а на голове вместо оселедца приличная короткая стрижка, Вовка женился, даже не по залету! на Нонке: родители в складчину купили двушку в приличном районе, хотя и в совковом еще доме. Недалеко от его департамента. И департаментские привыкли к Вовке. Сама директорша начала узнавать молодого подчиненного, у которого при встрече в коридорах с роскошной дамой непроизвольно начиналось определенное шевеление в организме. Это тебе не Нонка, еще не успевшая после замужества отойти от ненавистной ей самой фитнес-фигурности! Но – легка беда начало...

Ближе к ноябрю в стране началась холерически раздуваемая СМИ кампания по раздельному сбору мусора. По нисходящей вертикали соответствующее отношение в форме рекомендательного – «изыскать инициативные предложения и по возможности включиться...» – приказа добралось и до образовательного департамента. На очередной понедельничной пятиминутке Евгения Яковлевна

озвучила и предложила обдумать и выступить с инициативой. При этих словах, мучимая мыслью, на кого бы эту несурязицу скинуть, она волооко – не хуже своей референтши – посмотрела со значением на несчастную Елену Викторовну: мол, оправдывая свой предпенсионный возраст, тогда, быть может, и после новомодного удлинения такового еще поработаешь. Благо твой отдел идет не по разряду госслужащих, для которых этот возраст строгий предел, но из технических.

Много чего читалось в коротком, секундном волооком взгляде директорши. Елена Викторовна согласно кивнула головой с тщательно закрашиваемыми сединками.

Свято памятуя, что даже техническим чиновникам думать вредно, прибыв в отдел, проходя по ряду столов, она кивнула Вовке. Тот поспешил за начальницей в остекленный отсек. Усадила его для обстоятельности разговора на гостевой стул. Сразу быка за рога ухватила:

– Про новации... в смысле про нововведения со сбором бытовых отходов слышал?

– Конечно. Новости по ящи... по телевизору иногда смотрю.

– И как представляешь в части раздельного сбора и вывоза?

– А чего представлять-то, Елена Викторовна...

– Ну-ну?

– Я вот вчера вечером выношу ведро на свою помойку, а наш гастарбайтеровский дворник узбек Кизим около стоит, предупреждает: «Ты, хозяин, сегодня сбоку вываливай из ведра, а то на низкой стороне краска еще не высохла. Сам попачкаешься, а хуже – надпись грязью заляпашь». Помотал я в непонятке головой, а Кизим на надпись показывает. Красным по зеленому свежооттиснутая по трафарету надпись: «Раздельный сбор мусора – гражданская культура!» Спрашиваю: «Кто написал?» – «А трое приходили: один толстый с папкой под мышкой, женщина очень строгая и рисовальщик: бумагу приложил, из баллончика краской пшик-пшик. И ушли к другой помойке». – «Что-нибудь сказали тебе?» – «Нет, только велели подежурить, пока просохнет». – «А как раздельно в эту общую помойку собирать и вывозить, не объяснили?» – «Нет, хозяин. Народ как выбрасывал из ведра или в пакетах, так и бросают». Опростал я ведро, чуть отошел – машина мусорная подъезжает, опрокинула в себя помойку и уехала. А на бортах с двух сторон тоже надписи про раздельный сбор. К чему это все, Елена Викторовна?

Начальница кратко рассказала про инициативу и поручение директорши. Отвела глаза в сторо-

ну, помолчала и дала совершенно серьезному Вовке задание: продумать, учесть опыт и дать конкретное предложение. Что Вовка и исполнил, уже не обращаясь за советами к Сереге и вообще к кому-либо. Заматерел.

Декабрьским днем пополудни, ближе к ранней в это время темноте, два старинных, еще по ракетно-пушечному Конструкторскому бюро, тогда еще возглавляемому знаменитым в оружейном мире академиком Гусаковым, приятеля, ныне трудящиеся в Тулуповском госуниверситете, профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент Николай Андреевич, шли со службы в общую сторону своих домов по боковой – по отношению к студгородку – улице с трамвайным путем посредине. Шли по правой стороне, где еще лет тридцать назад тянулись серо-зеленые двухэтажные дома, ранее бараки пятидесятых годов, ныне перестроенные в кукольные домики различных магазинов и учреждений.

Улица эта и вместе, и порознь выбиралась ими по причине относительного малолюдства. Идти по параллельному проспекту – шумно от нескончаемого потока машин, посредине – через студгородок – зимой студиозусы, играючись по юному избытку энергии и ловкости, тротуары раскалывают до гладкого льда. Нет уж, лучше по боковой. Проходя мимо пряничного дома с надстроенной мансардой, в котором после обновления прежнего барачного здания разместился один из департаментов новомодного областного министерства образования, Николай Андреевич указал на появившиеся три бака в ряд, с крышками размерами поменьше обычной железной бочки, установленные на общем железном же основании, свежевыкрашенные в веселый светло-синий цвет, с различными трафаретными надписями красным: «Бумага», «Стекло», «Пластик». Но поставлены несколько странно, слева парадного, под мрамор и с дорическими небольшими колоннами, входа, впритык к стене за игривой декоративной изгородкой, ограждающей метровой ширины палисадник, летом с аккуратной подстриженной травкой.

Игорь Васильевич даже обрадовался: только что докурил последнюю сигарету и не знал, как избавиться от пустой пачки: интеллигентская совесть не позволяла бросить на тротуар, а все мусорные урны еще несколько лет назад на городских улицах, в скверах и парках полностью исчезли – явно в целях борьбы с курением в начавшейся серьезной кампании. Он, смятая в ладони пачку, уже аккуратно переставил правую ногу через игривую изгородку в направлении бачка «Бумага», но был

остановлен окриком черномундирного охранника, что вышел покурить из парадного входа:

– Нельзя, гражданин! Не нарушайте.

– Как нельзя, – передернул плечами профессор Скородумов, – это же специально для сбора мусора...

– Это не ваше дело, гражданин, для чего специально. Видите, потому и за изгородь поставлено, чтобы ничего в них не бросали.

– Для благоустройства, значит? – вспомнил Гоголя сразу повеселевший Игорь Васильевич.

– Вот-вот, понимаете, значит. Позавчера установили, а вчера комиссия из администрации, говорят – не моя смена была, – прибывала, с кинохроникой. А завхоз велела сегодня за изгородь поставить. Пусть стоит, хлеба ведь не просит!

На обочину дороги из потока машин вырулила и притормозила черная машина солидной марки. Охранник мигом смял дымящийся окурок в ладони и исчез в парадной двери. Профессор с дочентом рассмеялись и продолжили путь.

«Патока с имбирем, ничего не разберем!»

– Так вот-с, – заговорил, выпрямляясь во весь рост, генерал, – вот вам в наш век кто на всех угодит, кто всем тон задаст и кто прочнее всех на земле водворится: это – безнатурный дурак!
(выд. Н. С. Лесковым. – Авт.).
Н. С. Лесков. «Смех и горе»

Еще в студенческую, Впрочем, совсем недавно, бытность, учась на кафедре журналистики, каковые в конце девяностых – начале нулевых годов, по принципу тусовки (у Васьки есть, значит, и у меня должно быть...), были спешно организованы по стране во всех новопереименованных университетах, бывших политехах, педах и пр., Денис Коротин загодя придумал себе «для печати» творческий псевдоним: Дэн Корвин. С ударением на первом слоге. Он полагал, что зашибись импортно, по-европейски слоган звучит. Самая очкастая и умная на курсе Светка Тринберг, правда, засомневалась в правильности ударения, объяснив, что это имя венгерского короля Матиуша Корвина, на втором слоге, значит, акцентация, создавшего самую великую библиотеку эпохи Возрождения. И эта библиотека, и главное венгерское современное издательство, и много чего в культурных объектах Европы носят фамилию достопамятного короля. Сам основатель и заведующий кафедрой «акул пера», как ее шутей-

но звали в университете, он же главный редактор еще с давних советских времен бывшей комсомольской, а с «лихих девяностых» либеральной областной газеты, которого уже пятьдесят лет иначе как Мишей Веселовым не именовали за глаза (впрочем, достойно уважительно), прочитав в издаваемом кафедрой учебно-студенческом журнальчике «Обретающие слово» материал с подписанным псевдонимом, при случайной встрече с подопечным как-то задумчиво порассуждал: «Псевдоним есть дело серьезное, безотшибочное. А у тебя вот с ударением (значит, Светка уже донесла) путаница. Ты уж, полупотченный, разберись, а то по пословице получается: «Патока с имбирем, ничего не разберем!» Шутливо отсалютовав, вечно моложавый Миша Веселов, в неизменных джинсах, в которых даже на ректорские совещания ходил (впрочем, крепко с ректором дружил), пошел по коридору, насвистывая песенку своей далекой советской молодости: «Все пластинки группы «Квин» обменял на героин...»

Уважая свой выбор ударения, ученость Светки, у которой всегда списывал тесты на зачетах, и авторитет завкафедрой, Дэн принял Соломоново решение: а плевать на все эти ударения с Останкинской... нет, лучше с Эйфелевой башни, а еще лучше с американского небоскреба! Псевдоним-то для печати, где ударения не ставятся, как в учебниках русского языка для иностранцев, а в устной речи, особенно в официальном представительстве, да, разумеется, в гонорарных ведомостях, что предстоят ему в недалеком будущем, называется и указывается фамилия, от отца доставшаяся.

Опять же Светка в конце третьего курса заменила очки на контактные линзы и оказалась вполне привлекательной девицей. Поимел Дэн устойчивое желание к окончанию универа подкатиться к ней с предложением чего следует, как в старорежимных романах и фильмах, учитывая солидное положение ее папаши в местном адвокатском круге, но ... человек полагает, а кому надо, располагает. Словом, в конце лета, перед четвертым курсом родняки услали Светку в Лондон – получать престижный английский диплом. Обломилось! А может, и к лучшему все? Опять же, кто полагает, а иной располагает.

...Свой «деревянный» диплом бывшего, сугубо оборонного, политеха, над каковыми потешаются в редакциях газет, журналов и телестудий столиц и «университетских центров», Дэн получил без особого прилежания и затруднения. Тему дипломной работы, доставшейся ему – что-то архаичное, по русской журналистике последней трети позапрошлого века, – он не стал, как иные

дурачки, вытаскивать и компилировать из инета, чтобы иметь удовольствие попасться на программе антиплагиата. Умные люди из отцовых друзей с бизнесом, близким к масс-медиа, научили. То есть отыскал по инету названия нескольких старых, прошлого века – советских, книг по литературоведению, близких к его теме, но, в силу их архаичности и невостребованности, не удостоенных чести оцифрования. Далее впервые в жизни сходил в областную библиотеку, нашел в каталоге эти пыльные книги; записавшись читателем, взял их на дом.

Далее дело техники, с которой Дэн (не лузер ведь, не чайник!) обращаться умел. Выискал нужные параграфы и главы, сосканировал, перевел в цифру, состыковал между собой, в муках творчества сочинил предисловие и выводы, по инету же составил приличную библиографию. Руководителем у него был относительно молодой преподаватель, то есть уже из поколения пепси, также по компу учившийся, о тонкостях исторического литературоведения в части журналистики и не помышлявший. Прогонка по антиплагиату дала почти стопроцентную новизну и оригинальность дипломной работы Дэна. А Миша Веселов, по должности завкафедрой, наскоро, «по диагонали» просматривавший работы подзащитных, будучи в хорошем расположении духа, почти что восхитился цитатой в дипломе Дэна, а именно в главе, посвященной литературной публицистике писателей с антинигилистическим направлением: *«Егда люди потрапезуют и, помолясь, уснут, в тот час восстают татие и исходя грабят»*.^{*} «Ух и черт! – засмеялся он, обращаясь к находившимся в тот момент в преподавательской несколькими подчиненным, – где же они умудряются списывать такие цветистые дипломные сочинения, что никакой антиплагиат не берет? Да-а, товарищи преподаватели, как нас эти ловкачи именуют, хорошая смена прежним акулам пера подрастает! Уже и не акулы, от которых ловкий пловец может отбиться, но настоящие нильские крокодилы! Перекусят пополам, не моргнув честнейшими глазами, и – к кассе! В смысле на свою карточку, мол, позолоти ручку, родная редакция...»

По окончании универа Дэн попал в положение, сходное с фольклорным: пили, ели, веселились, посчитали – проследились. С «деревянным» дипломом бывшего политеха, не совсем казистой внешностью, невысокой солидностью – не в тех капиталах состоят! – отцовых друзей ... опять же полом не длинноногая девица, чтобы в какие-либо представительские побегушки при властях или знатных бизнесментерах пристроиться, наконец

при отсутствии диджеевской развязности языка – не то что в столицу, в местные, областную и городскую, администрации, но и на губернское телевидение он не мог претендовать. Тож и радио. Официальное вообще заглохло, там и пары пенсионеров советских времен с избытком хватает, а частные, пресловутые эфэм-радиостанции дублируют центральные московские, добавляя только местную рекламу – то и другое единственный штатный оператор с инета получает. Газеты? – В обоих официозах, областном и городском, короткие, «стенгазетные» развлекались тоже с инета, а все основное место – телепрограммы, казенные объявления о торгах, частная реклама. И пристроиться сложно без рекомендаций. В газете Миши Веселова? – но он же весь выпуск туда не возьмет.

Есть еще кабельное телевидение, но в памяти засело годичной давности летнее, в городском сквере, знакомство с его молодым коллективом. Рядом магазинчик «Красное и белое», легкая прохлада ввечеру июльского дня, народ, не теряя бдительности насчет «красных шапок», то есть сейчас всемирных картузиков с утиными козырьками, попивает пиво. Телевизионщики опосля трудового дня. Охотно приняли Дэна в свою компанию, похлопывали по плечу, дескать, наш брат-журналист! По кругу трубочку с травкой пустили, говорят, привыкли – не злоупотребляем, но для тонуса, а без него на современном телевидении нельзя: все в ритмике, в движении, в калейдоскопе кадров. Почти, чем у клубных и концертных диджеев... Но, однако, провинция, спонсоров нет, реклама хилая, так что особо бабки в руках не шелестят.

Пока же Дэн раздумывал, по инету шарил, с бывшими однокашниками общался, лето прошло. Осень случилась большая выборная, так что подработал в разных агитгазетках, по листовочной части – названия партий и фамилий «кандидатов в слуги» не забывал, ибо старшие всегда давали исходняк. «Думать вредно, ибо нашего брата, акулу пера, кормят ноги, нюх и слух; даже глазам, которые есть часть мозга, надо с осторожностью доверять!» – запомнил Дэн слова почти маститого московского обозревателя крупной газеты, приглашенного как-то Мишей Веселовым на показательный мастер-класс. По всему видно было, что перед семинаром они с завкафедрой по провинциальной расслабленности уговорили бутылочку коньяка...

В выборную ту осень Дэн кой-какие деньжонки

^{*} Из повести Н. С. Лескова «Грабей». – Прим. авт.

заработал, но к концу года родители начали намекать о серьезном жизнеустройстве. И сами они, то есть отец, были из мелких «среднеклассов», «мелкобуржуазной биомассы», как в глаза, впрочем, без озлобления, философски, называл их семидесятипятилетний дед Егор Пантелеевич, потомственный коммунист, но в последние годы разошедшийся во взглядах с партией Геннадия Андреевича: перестал читать столичную и губернскую «правды», а приналег на первоисточники, с карандашом изучал тома Сталина, покупаемые на свои пенсионные в букинистическом магазине, и других классиков марксизма, что подбирал у квартальной помойки, куда их выносили из окрестных домов внуки-правнуки, задававшие своим квартирам евроремонты.

Дэну, все же удержавшему в своем воспитании долю сыновней почтительности, и самому не совсем удобно сидеть на шее родняков, а главное – хватит алтушками в карманах позвякивать сиротски. Пора к делу! Выручил, как ни странно – счастье, как и беда, всегда с неожиданной стороны приходят – матерый коммунык Егор Пантелеевич. Раз он вернулся с прогулки по свежеспавшему предновогоднему снежку редкостно веселый, разделся-разулся в прихожей и явился семейству с двумя предметами: потертой книгой в сером переплете и четвертинкой неподдельного грузинского коньяка «Старый Кахети». Объяснил: на камне у помойки, куда все окрестные евроремонтники, все же стыдась бросать в общую мусорницу, кладут книги, обнаружил раритет высочайшего класса – труд Лаврентия Павловича Бериин о развитии революционных организаций в Закавказье. От такой неслыханной удачи зашел в «Красное и белое», что в торце их дома, и взял малый бутылек. Как же с чувством не обмыть такую находку.

За ужином разлил себе, сыну и внуку. Выпили, закусили. Здесь Егор Пантелеевич, подмигнув Денису, и главную новость рассказал: в магазинчике этом привлекательным встретил давнишнего своего приятеля, едва ли не с институтских времен, вместе на заводе машиностроительном трудились, оба в своих цехах партбюро возглавляли. Поговорили по выходе на улице с полчаса – за четверть века не виделись, оба с началом «бардака» уволились с остановленного «врагами народа» бывшего гиганта оборонпрома с тремя орденами на знамени. Егор Пантелеевич и о внуке слово ввернул, а Сергей Максимович и заметил, что-де племянница его Верка в газете «Толока» кем-то вроде заместительницы у хозяев трудится. Дед еще раз подмигнул Дэну: «Обещал Максимыч

с ней о тебе поговорить ... да не сомневайся, не забудет – коммунист он подлинный, как и я, в девятые годы партбилеты не рвали прилюдно!»

Вот это уже удача так удача! Хотя и говорят, что радоваться заранее все одно что дитя крестить неродившееся (это не он, а дед иногда говорит так), но Дэн в полном предвкушении грядущей удачи мигом смотался в свою комнатку и принес на две трети еще заполненную пузатенькую бутылку настоящего шотландского «Club'99» – с раздачи в выборном штабе. Дед не очень-то привечал антипатиристические напитки, но уважение внука одобрил, выкушал с сотрапезниками и виски.

Чтобы не сглазить, в последующие дни Дэн ни по телефону, ни по инету знакомым и приятелям ни словом не обмолвился. Зато вычислил по сайту «Толоки» эту самую племянницу Верку: да, действительно, в замах состоит, по фото – лет сорока-сорока пяти. «Толока» ... самая популярная в городе и области частная газета в тридцать две страницы, а в спецвыпусках и вовсе в шестьдесят четыре. «Городская сплетница», как ее порой называют старорежимные интеллигенты, а значит, ее читают, в отличие от официозов, даже от газеты Миши Веселова, все: торговки, домохозяйки, порой и их мужики, пенсионеры, даже ничего не читающие студенты. Демонстративно кривя губы, дома, втайне от коллег, взахлеб читает вся так называемая интеллигенция. Все чиновники – чтобы быть в курсе дел и событий в управляемых ими областях, городах и районах. Все читают! Как в советское время все читали две единственные в области газеты: орган обкома партии и орган комсомола, возглавляемый молодым еще Мишей Веселовым. А на старших курсах в дружеских посиделках однокашников, обсуждая грядущее «я б в газетчики пошел, пусть меня научат», где девки, особенно из фитнесных и длинноногих, грезил местами пресс-атташе при различных администрациях и «связистками с общественностью» в крупных компаниях, серьезные же ребята на равных ставили телевидение и популярнейшую «Толоку».

...Видимо, матерая газетчица Вера Антоновна хотя и в ранней юности, но заставшая семейное советское воспитание, проявила уважение к родному дядьке Сергею Максимовичу, тем более что неожиданно образовалась вакансия (предшественница Дэна нашла себе место содержанки московского папика – так злословили в редакции незамужние бабенки) корреспондентского характера, но Дэн попал в «Толоку». И редакция в соседнем квартале – сплошные приятности. Сбылась мечта идиота...

Политех не политех, но все же чему-то Дэн нау-

чил, потому скоро приноровился к газетной работе. Дольше всего на новом месте длится первый год. Вот и пошли месяц за месяцем, приходила сноровка. «Толока», как газета облегченного содержания для всех, не пропускала и официальных профессиональных дат, повторяемых из года в год. Поэтому Дэн нимало не удивился, когда Вера Антоновна, его благодетельница, потому на этих правах и приучавшая подопечного к мудреным заданиям, дала ему поручение: в связи с близким Днем науки (при этом тот несколько изумился: какая-то наука?) отправляйся-ка завтра с утра на биологический факультет твоего родного университета. Профессорствует там очень занимательный, широко известный в узких научных кругах, причем не только в России, Игорь Васильевич Скородумов.

– Я уже созвонилась с ним, получила, впрочем, несколько неохотное – ты это себе в голове отметить, согласие на интервью. Вот его телефон. С проходной корпуса позвонишь ему, а он на вахту, чтобы тебя пропустили, сообщит. Не забудь свое удостоверение и паспорт на всякий случай – у них там, как Игорь Васильевич то ли всерьез, а может, и с юмором сказал, месячник бдительности. Человек он серьезный, известный, поэтому сегодня отвлекись от всякой текучки и по интернету, по поисковику на его фамилию, ознакомься: о чем он пишет в своих трудах, что о нем думают... Ну, тебя уже учить не надо либо уже поздно. Материал – в срок! Обычного для «дней» объема. Тема в ходе интервью обозначится.

Совершенно правильно прореагировав на «учить уже поздно», что всего лишь намекало на протезирование, а значит, на взаимную ответственность, Дэн, непроизвольно (с девицей своей поругался, холостяковал) смазав слаборазборчивым в такой ситуации глазом еще интересную, тугогрудую фигуру начальницы, отправился в свою комнату, общую с доброй половиной редакции. Забрав свою репортерскую сумку с казенными фотоаппаратом и диктофоном – в газете халтура с мобил и смартов не допускалась, – сказав заведельше «сегодня и завтра до обеда на задании от Веры Антоновны», вышел из редакции. До вечера проболтался: пробовал по телефону помириться с Кариной, даже самонадеянно взял курс на ее дом, но получил отлуп. Встретив на проспекте школьного еще знакомого, зашел с ним в спортбар: по пивку и бокс с черномазыми финалистами посмотреть. Все же с пользой окончание дня провел: заскочил к свободному сегодня знакомцу, подвизавшемуся в торговле поддержанными машинами, кое-что интересное узнал... а то

скоро уже в редакции пальцами на него станут указывать, мол, дураку – писаная торба, а нормальному газетчику и вовсе неприлично на трамваях с пенсионными старухами трястись!

Полужинав с домашними, чем приятно удивил мать, что-де Дениска сегодня не шляется до полуночи и ни у какой девки не заночевал, даже одобрив снисходительно очередную помоечную находку деда, коммунистического коллекционера – укладистый томик «Утопии» Томаса Мора издательства «Academia» тридцатых годов, ушел в свою комнату, раскрыл студенческой еще бытности ноутбук (все деньги на поддержанную машину копят, приличный планшет все отодвигается!) и занялся профессором Скородумовым. К своему удивлению, ни в каких соцсетях поисковик его ФИО не выдавал. И сайта своего у Игоря Васильевича не имелось. «Как у той пенсионной старухи в трамвае», – досадливо вспомнились остроты редакционных коллег. Совсем же непостижимо – у странного профессора не значилось своего адреса электронной почты! «Без мыла, значит, мылится», – ухмыльнулся Дэн. Правда, поисковик выдавал без конца названия многочисленных книг Скородумова, размещенных на научных сайтах, публикаций в журналах, наконец выяснилось, профессор не так прост – уже два десятка лет является главным редактором журнала «Феномены разума: XXI век». Но все это не то, не журналистский формат, как в их профессии говорят.

...Дэн как-то краем уха на последнем курсе универа слышал от молодой, язвительной на слово преподши их факультета, но другой кафедры и специальности, что их университет в такой яме, даже никого из профессоров не обозначено в Википедии. Наудачу зайдя в нее, Дэн обнаружил неправоту болтливой преподши: один-то из их универа в этой энциклопедии имелся, и именно Скородумов. Аж на десятке страниц! Из этой персоналии Дэн много чего почерпнул для завтрашнего интервью с «увешанным» многими, преимущественно двойными учеными степенями и званиями, отечественными и иностранными «заслуженными» и «почетными» научными орденами, медалями и знаками. И припомнил, увидев фото профессора в Википедии, что таковое имеется на стене второго, «административного», этажа главного корпуса – напротив кабинета ректора, в почетном ряду этих самых «заслуженных» сотрудников университета. Но вот что никак не укладывалось в голову Дэна после прочтения статьи, так это крайне сомнительная должность Скородумова, что-то вроде научного консультанта, даже не штатного профессора – это при его-то двух ученых званиях по этой части!

Еще час-полтора посмотрев относящееся к Игорю Васильевичу, даже попробовав прочитать несколько аннотаций к его книгам с мудреными, иногда и вовсе с ироническим подтекстом, названиями, разыскав несколько отзывов на эти труды, Дэн внезапно почувствовал то озарение, молнию сакральной мысли, что приходит человеку в итоге каких-либо умственных рассуждений в час перехода позднего вечера в близость курантного боя на Спасской башне Кремля. В своем часовом поясе, конечно. А именно клюнуло в голову: завтрашний интервьюируемый откровенно фигурально плюет, причем со вкусом, на официально декларируемую «науку», а сам создает свои теории, исключительно пользуясь здравым смыслом. Конечно, Дэн далек был от такой терминологии, он на своем журналистском волапуке мыслил, но пришел-таки к правильному выводу. А с ним, с выводом-то, яснее ясного понял и Веру Антоновну, именно шутника Скородумова выбравшую среди нескольких сотен городских профессоров, в основном «выделки» девяностых годов, когда приобрести докторскую степень было легче, чем открыть лавочку-сникерсную. Причем бесплатно. Ибо то было время непуганых идиотов на фоне всепоглощающего первоначального накопления. Вера же Антоновна четко проводила, даже в отношении официальных «дней», редакционную политику, в числе прочего создавшую сверхпопулярность «Толоки» в городе и области, а именно: не скрываемая «желтизна» газеты, что и привлекает читателей от рыночной торговли до депутатского корпуса, требует не официоза, но игривости с изюминкой... как, в историческом примере, публично расстегнутая ширинка бывшего премьера (или что-то в этом роде? – Дэн не запоминал прошедшее) Касьянова, что напрочь погубила его политкарьеру. Или достославный прокурор в бане с девицами. Сейчас, конечно, времена иные, административно подтянутые, суконно-цинковые. И хозяева «Толоки» соответственно новым веяниям перестроились... перезагрузились, как модно в политическом истеблишменте нулевых годов было принято говорить.

Чего-чего, но качество смекалки у молодящейся Веры Антоновны вполне гармонично ее тугим грудям, даже при наличии дочери-старшеклассницы и регулярной (с мужем!) половой жизни. Уже при беседе с профессором Скородумовым Дэн убедился в чутье начальницы: лучшей кандидатуры на интервью ко Дню науки и с учетом игривости с изюминкой «Толоки», нежели Игорь Васильевич Скородумов, и представить было не-

возможно! Великое дело дедуктивная, то есть аналоговая, женская логика...

– А-а, милости просим! Входите, молодой человек империи российской, – приветствовал в своем кабинете Дэна профессор Скородумов. – Садись... или присаживайся, не знаю, как на нынешней фене говорят, вот на этот стул. Ничего если на «ты»? Как студента, а ты ведь недавно из этого сословия вышел в люди? Я сразу для ясности: глупость все это – всякие интервью о науке для ширпотреба. Давно уже никакой науки нет. А согласился для вашей газеты по двум причинам. Не главная – догадываюсь, кто меня рекомендовал: прежняя хозяйка «Толоки», что сейчас на покое рантьершей в свое удовольствие живет. Я с ней в молодости хорошо был знаком, в одном отделе инженерами трудились, в Конструкторском бюро знаменитого академика Гусакова. Нахлынули воспоминания о славных временах, опять же – вспомнила. Главная же причина, что вспомнил историю с моим другом Николаем Андреяновичем, доцентом на кафедре ракетостроения – это в «пентагоне», знаешь, первый корпус, военно-технический факультет... институт по-нынешнему... Слушай, Денис, может, выпить хочешь? У меня сейчас очень рукастый аспирант с еще более замечательным дедом такую самогонку сотворяет, фильтрует до бриллиантовой прозрачности и на клюкве настаивает. А?

Дэн с таких быстрых оборотов непривычно для себя смешался и отказался, что-то несурзное пробормотав.

– Ну и зря. Так вот, история с доцентом-ракетчиком; с ним мы тоже вместе в заведении Гусакова работали. У Николая Андреяновича супруга учительница, но очень увлекается декоративными цветами. Вот и разбила «плантацию» в палисаднике около своего подъезда на радость жильцам дома и прохожим гражданам. Хороший цветник получился! Мы как с Николаем Андреяновичем летом на его балконе балуемся водовкой или коньячком, если неподдельный случится, то я всенепременно комплимент его супруге сооружу. Но – к сути дела. Раз наш ракетный доцент, пославши жену на Южный рынок насчет его любимой тресочки – тот из мурманского Заполярья родом, трескоед! – лежит себе на диванчике, освежает в памяти «Мертвые души» – как раз скандал в областном департаменте здравоохранения случился с приписками-недописками в статистике смертности, всех разогнали, словом, на злобу дня, похохатывает. Вдруг – звонок, открывает дверь, а там молодые парень с девицей. Те сразу, мол, замечательный цветник! Соседи к вам

направили, супруга ваша его содержит. Нам бы с ней побеседовать, мы из «Толоки», мимо проходили – восхитились. Отвечает Николай Андреянович, что дома ее нет сейчас. А девица: «Сожалеем, нет времени подождать. Но вы, разумеется, ей помогаете за цветами ухаживать?» Не успел наш доцент сообразиться, парень его щелк фотиком – и след их простыл. Потом он рассмеялся и из головы выкинул, только рассказав пришедшей домой супруге. Дело в июне было, сессия в разгаре, легкая суета, по разным корпусам приходится ходить. И где бы ни появлялся Андреяныч, все, даже отдаленно знакомые, доценты, профессора, деканы первыми руку жмут, мол, видели ваше фото в «Толоке», где про домашний цветник расписано! В главный корпус зашел ведомости экзаменационные в учебный отдел занести, так все административное бабье, что четыре этажа из пяти плотно забило, на него в коридорах пялятся, изустно или кивками здороваются. Два там же встреченных проректора, вряд ли раньше простого доцента и в лицо знавшие, с легкой улыбкой снисходительного одобрения поручались и про фото в «Толоке» упомянули... Рассказал мне это Николай Андреянович, посмеялись под пару стопок «клюквенной» от аспирантского деда и пришли к фундаментальному, как пышно говорит на советах университета проректор по науке, открытию: из всего обилия мировой литературы, включая научную, выработанной человечеством начиная с древнеегипетских «Книги Мертвых» и «Повести Петеисе III» и до XXI века, все нынешние доценты, профессора и руководящие кадры вузов города читают только бульварную, извини, мой юный друг, «Толоку»... а в других городах и весях есть свои «толоки». Вот и на себе решил повторить эксперимент с вашей славной газетой – а то ввиду моей глухой известности, как что-то навроде этого некий классик сказал, соскучился я по известности в родном университете! Ха-ха-ха! Можешь это в шутку или всерьез понимать. Но – это для разминки.

Слушая разговорившегося после стопки клюквенной профессора, Дэн с некоторым изумлением осматривал кабинет хозяина, ибо уже попривык за время работы в «Толоке» к принятому стандарту таковых – административных, всяких служебных, заводских и в обилии всевозможных частных заведений, торгово-посреднических в основном. Кабинет же Скородумова, начиная с перечислявшей его основные степени и звания таблички на внешней стороне двери, дополненной чуть меньшей по размеру с текстом

**Просьба
американизм
«проблема»
не употреблять!
(как и другие)**

чем-то напомнил Дэну мельком виденную, скорее всего в инете, средневековую гравюру, изображающую ученого (не монаха, но трезвого) в его обсервации – почему-то это слово, совершенно ему неясное, пришло в голову: книги на полках, книги в шкафах, на столе... вообще везде на горизонтальных, исключая пол и потолок, поверхностях. Небольшой холодильник на подставке – из него профессор доставал бутерброд, закусывая стопку «клюквенной».

На столе перед креслицем с профессором листы рукописей. Но все в «келье» в образцовом, военно-морском, как бы одобрил его (не аспирантов) дед, служивший некогда срочную на Балтфлоте. На единственно свободной половине стены несколько дипломов в рамках, а также портреты Ленина, Сталина, Шопенгауэра, аятоллы Хомейни и...

– Это Репина, где на кремлевской площади Александр Третий после коронации разговаривает с депутатом сельских старост. Обрати внимание: православные без шапок, а татары с башкирцами в оных на головах. Теперь сюда: две картины одного и того же известного придворного, так сказать, живописца – временные вариации на тему «Ленин у прямого провода». На первой, времен Генералиссимуса, Ленин со Сталиным у телеграфного аппарата, причем Сталин ленту читает и что-то назидательно говорит Ильичу. На второй, послесталинской, уже Ленин у аппарата, руки в брюки, поучает почтительно слушающего управделами правительства Бонч-Бруевича. Только телеграфист на обеих сценах один и тот же – все же против правды истории художник не попер! Рекомендую, как символ современной... да и любой иной прессы, повесить у себя в редакции, взяв из интернета.

При упоминании об интернете Дэн сообразил, что его напрягает: в кабинете не наблюдалось ни компа, ни планшета. Только рядом с городским телефоном китайского ширпотреба на столе лежал дешевейший старинчатый Samsung. Дэн поморщился, вспомнив детскую обиду: точно такой же гаджик экономная мать купила ему в начале первого класса учебы. Все одноклассники и ребята во дворе смеялись над ним: более дешевой и дрянной мобилы они не видели!

Игорь Васильевич, как опытный педагог, хотя –

по его словам – давно оставивший «глупую возню со студиями новейшей генерации», что сначала растормозит слушателей парой анекдотов, а затем перейдет к делу, и здесь посерьезнел, в словах, но не в душе, деловито обратился к Дэну:

– Сделаем так, мой юный друг. Я человек не разговорный, а сугубо думающий и мысли записывающий. Поэтому отвечать на вопросы тотчас не умею, а эти самые вопросы лучше мне сформулировать, как человеку «в теме», говоря на братковской фене. Согласен? Так вот, когда мне вчера ваша Верочка, отчества она по-нынешнему американизму не назвала, позвонила, то к стати образовались полтора часа слабозанятого времени. Вот я и написал наше с тобой интервью: твои краткие, в цель бьющие вопросы, а на них мои обстоятельные ответы. С существенной поправкой на широкий ареал читателей «Толоки». С полным к ним уважением. И к обоюдному, полагаю, нашему с тобой удовольствию. Если по объему не войдет в отведенную тебе полосу... или как это у вас называется? – сокращай, понятно, со мною не согласовывая: я сейчас новую монографию начал, отвлекаться не люблю.

Дэна слегка качнуло при этих словах чудаковатого профессора, но доводов возразить как-то в голове не собралось. С другой стороны, халява и есть халява, а профессор лапшу по бумаге не станет размазывать. Вон сколько томищ сочинил – Дэн посмотрел на три полки полутораметровой длины, уставленных книгами с фамилией Скородумова на корешке. И родители в детстве учили доверять приличным людям...

Игорь Васильевич протянул пластиковую папку с несколькими листами, убористо исписанными, извинился:

– У меня классовая ненависть ко всяким этим «механизмам», пишу только от руки любимым паркером, что лет пятнадцать назад подарил после своей защиты самый умный мой аспирант. Ничего, разберешь – я в начальной школе еще чистописание застал. Перепечатаешь, не сочти за труд. Мне вот лаборантка грамотная за отдельную умеренную плату набирает, а ты уж сам за свой гонорар потрудишься. Давай все же за взаимную экономию времени на интервью хлопнем по стопке клюквенной – оценишь, намного приятнее всех тех висок, что в ваших компах, как догадываюсь, с гордостью, какой полны штаны, пьют. А я напоследок в немногих словах, чтоб ты суть схватил, правя текст под ваши требования, сформулирую.

Дэн почти на автомате, еще не отошедши от стремительности подмены интервью уже гото-

вым текстом, что впервые в его недолгой пока газетной практике случилось (гм-м, что-то впереди еще ждет?), смиренно принял стопку из рук приятно улыбающегося профессора. А тот чокнулся с ним своей, произнеся: «как в моей инженерной молодости говорили – по полпромилле!»* – и указал на тарелку с бутербродами на столе.

Дэну еще не доводилось пробовать самогон, судил о нем абстрактно, по совковым киношкам о Махно: мутный и вонючий. Но в стопке, в слегка волнуемой руке – от неожиданности ситуации, переливалась во внешнем свете коричневая, оттого не менее прозрачная до донца... Дэн зажмурился и махнул в один глоток. Пока во рту гуляло приятно-терпкое послевкусие, а от гортани до желудка катилось нечто округлое и теплое, в эти две-три секунды он осознал правоту Скородумова: все эти «джонни уокеры» и «белые лошади» есть прокисший сливовый компот, а аспирантов дед – доморощенный мичуринец и тимирязевец в одном 0,5-флаконе!

– Ну что, юноша, взалкающий познания быстропроходящего и вечного, – бархатисто рокотал еще более взбодрившийся профессор, – давай по отвальной, чтобы посуда без употребления не куksилась, и я тебе на дорожку все же прорезюмирую. За нашу славную, но, увы, бывшую науку. Прозит!

Выйдя из корпуса биофака, Дэну позвонил Вера Антоновне, сказав, что интервью, ввиду сложности и несомненной актуальности темы, затянется, в редакцию заходить не с руки, а дома он все работает и завтра утром принесет все в готовности. Придя домой еще до полудня, Дэну, отмахнувшись от расспросов матери и деда, прошел к себе. Едва коснувшись дивана, упал в глубокий неурочный сон. Проснувшись к ужину со свежайшей, ясной головой, с аппетитом поел, кратко обмолвившись, адресуясь к деду (отец запаздывал), о сегодняшнем занимательном знакомце, а затем почти до отбойных курантов набирал и правил интервью, которое наутро в распечатке и с переброской с флешки вручил начальнице. К тексту прилагалось фото вольнолюбивого профессора и общий – из угла по диагонали – антураж оригинального кабинета. Вера Антоновна, хмурая с утра, рассеянно кивнула. Дэну вернулся к себе, рассеянно просмотрел свою почту: на экране ничего занимательного не высвечивалось. Мимо ушей

* Сейчас, с подачи гаишников, слово «промилле» и грудному младенцу знакомо. А ранее его знали только инженеры и бухгалтеры. Промилле – десятая часть процента; соответственно полпромилле – 0,05 % как-то ассоциировалось с 50 граммами водки... – Прим. авт.

его пролетала обычная утренняя пикировка Ленки с Владом, сдружение которых никак не переступало затянувшуюся вялую фазу: «Владик, скачай для меня...» – Не дожидаясь окончания дежурного заигрывания напоказ, тот буркнул: «Не водокачка я!» Шла обычная разминка редакции.

Через пару часов Дэна позвала Вера Антоновна, огорошив вопросом:

– Ты ведь, Денис, в пятиэтажке, с колонкой на кухне, живешь?

– Да... с колонкой. Квартиру еще дед получал. А что?

– Я вот тоже... с колонкой. Отцу, покойному сейчас, на заводе дали. А колонка у вас с основания дома? Или меняли?

– Да дед все ворчит: зачем, мол, старую убрали, теперь каждые пять лет приходится менять. А у вас как? – дежурно поинтересовался Дэн.

– А у нас в квартире газ. Дому шестьдесят лет минуло, столько же и колонке. Иногда, правда, по естественной старости слегка подтекает, фитиль обгорает и другие неприятности – ведь женский, до недавних времен, запенсионный возраст! Но вызовем из горгаза слесаря, он менее чем за полчаса все и исправит. И как новая – следующие два-три, а то и побольше, года газует. Я как-то по молодости, когда, как и ты, корреспондентом начинала, брала интервью у начальника горгаза, так он мне и разъяснил: почему старые колонки могут и до столетия дотянуть, а новые считай «одноразовые». Оказывается, когда сразу после войны по репарации из советской зоны оккупации Германии подчистую вывозили целые заводы, не только военные, то рачительно прихватили и предприятие концерна Мессершмидта по производству газового оборудования, в том числе и бытовых колонок. И до конца семидесятых годов точь-в-точь по немецкой технологии их и делали. То есть мессершмидтовские колонки, как те же советские телевизоры шестидесятых-семидесятых годов, едва не на сто лет службы получились!

– Но-о, а я-то...

– А ты-то, Денис Батькович, при том что нарвался вот на такого же «мессершмидтовского» профессора, его раз построили, а заменять не надо... в отличие от носителей этого звания современной выделки. Я, Денис, на дуру вроде как не тяну, понимаю, что и вопросы к «своему интервью», и ответы – все без твоего участия Скородумов сформулировал. Нет в них обычной газетной развязности и откровенной благоглупости. На-ко зачитай, зачитай концовку!

Дэн взял последний лист распечатки и, недоуме-

вая, прочитал вслух обведенную Верой Антоновной красным фломастером заключительную фразу:

– «Период глобализации, как начало овеществленного перехода биосферы Земли в предугаданное еще академиком Вернадским новое ее качество – ноосферу, имеет целью в плане социальном полное расчеловечивание, то есть человек биологический выполнил свою эволюционную миссию. Честь ему и хвала уходящему. Очень скоро все мы перейдем в сугубо технический мир телекоммуникационных сетей, для облуживания которых, после ликвидации в той или иной форме большей части населения планеты, будет оставлено...»

Здесь Вера Антоновна перебила:

– Достаточно, давай последние четыре строки.

– «...Уже нынешний человек в возрасте где-то до тридцати лет по своему образу мышления и жизненному поведению может быть квалифицирован, впрочем, безо всякой обиды для него, как безнатурный дурак. Это не мои слова, но одного писателя девятнадцатого века».

– Согласен с профессором?

– Дураку легче живется, – уклонился Дэн от прямого ответа, – потом с него и спросу нет.

– И я согласна... как и все, но говорить это в открытую не политкорректно. Давай поступим так. Беседу профессора с самим собой повесим на нашем сайте, убрав последние четыре строки, а в газету на День науки что-нибудь дежурное из интернета возьми. С учетом местной персоналии. Не забудь с сайта администрации области что-то добавить. До вечера вполне успеешь.

...Через год Дэн встретил на улице Светку Тринберг. Как и все еврейки, она в считаную пару лет быстро переоформилась из розовощекой девушки в уверенную молодую женщину. Пожаловалась: лондонский диплом получила, но на заграничное и московское жительство денег нет – у отца смизерились адвокатские доходы: клиенты из знатных воров и прочих «честных предпринимателей» перевелись, ведь не девчонки! а чиновников смысла нет за одни задатки защищать – если их «за клин» и берут, то уже с гарантией на образцово-показательную отсидку.

Светка и раньше нравилась ему со своим своеобразием, а теперь и социального неравенства у них нет. Через полгода расписались и уехали на ПМЖ в Израиль, где у Светланы Ефимовны издавна уже обосновалась обширная родня. Она за полгода начатками иврита овладела, а Дэн на дую спик инглиш приналег.

Лекция о постфиллоксере

*Если бы Вольтер знал этого нашего земляка,
то он должен был бы сознаться,
что не ему одному казалось удобнее
молиться после обеда, чем пред обедом,
но наши натуральные философы, вероятно,
никогда не получают известности, постоянно
предвосхищаемой у них чужеземцами.*

Н. С. Лесков. «Захудалый род»

— **З**дравствуйте, товарищи аспиранты! Мне предо...

— А если здесь господа присутствуют? — перебил профессора весельчак с самого дальнего и верхнего ряда лектория главного корпуса университета, где собрали под сотню аспирантов со всех факультетов, по-новомодному — институтов. Профессор, с наследственным стопроцентным зрением, тотчас узрел в весельчаке одного из троицы, с которой он столкнулся, зашедши по пути на лекцию в «Наливайку» остограммился коньячком — для бойкости речи, ибо давно уже отошел от чтения лекций, что полагал тратой времени и вообще делом «училок» обоего пола. Тем более что иконостас его степеней, званий и лауреатств позволял такое барство кабинетного пишущего и размышляющего сидельца.

— Гм-м, любезнейший мой, господ наши деды-прадеды в семнадцатом году преимущественно в деревянные бушлаты поодевали, как шутовали братишки балтийские, перепоясанные пулеметными лентами. Остальные же в Париж успели отбыть. Теперешние же господа, что от братков лихих девятых, ваучерных коллекционеров, продавцов родины на Запад в розницу и оптом, чиновных взяточников, разного рода беспредельщиков в погонах и прочая, прочая, — нам вовсе не господа, а буржуазно-воровская биомасса, которая уже скоро сама себя сожрет: отслужили свою службу и — пора на покой. Слова же «товарищ» не рекомендую стесняться, его ничем не вытеснишь. Оно же официальное обращение во всех ведомствах, где народ в тех же погонах. Ну, это к слову и к реплике вашего веселого, явно после «Наливайки», коллеги. А сейчас к делу.

Название лекции вам известно из разосланного по кафедрам отделом аспирантуры распоряжения... или как это там называется? Я что-то не запоминаю канцелярской лексики. Но для начала я вам не анекдотец расскажу, как это делают профессиональные лекторы, но одну историческую справку. Вряд ли вы, исключая, может, аспирантов, да и то девушек из отличниц предыдущей учебы в школе и потом в университете, сколь-либо знакомы с русской и особенно европейской классикой конца де-

вятнадцатого — начала двадцатого века. А в романах тех лет не редкость встретить такие сценки. Сидят вечером у камина в замке Девоншира или Уэльса два джентльмена, беседуют о добротной политике кабинета министров ее величества королевы Виктории, а под неспешную беседу курят сигары и попивают, как то в родовых английских замках вечером у камина принято, коллекционный португальский портвейн. По-португальски название этого государства Оппорто, отсюда и портвейн. Кстати, и к слову. Вам вот средства, так сказать, массовой информации, а вообще-то дезинформации, забили головы ваши невинные — от истинного знания — дескать, только сейчас винные лавки, навроде монопольной «Красное и белое», забиты всевозможной европейской «киркой» — пей не хочу! — а в советское, мол, время только отечественной фабрикацией продукт имелся. Во-первых, этот самый продукт имел высочайшее качество по доступным ценам; во-вторых, все нынешние якобы европейские напитки суть подмосковная выделка из молдаванского винного порошка... как классик писал: «Сюда жемчуг привез индеец, поддельны вина европеец». А в-третьих, в шестидесятые-семидесятые годы бартером за нефть, вернее ее избыток, что на Запад гнали, порой страну нашу наводняли поставки самых диковинных, ранее в романах только читанных, подлинных европейских горячительных: то шотландское виски «Клуб'99», а однажды перед Новым годом захожу в свой овощной за картошкой, а там — ящики с французским розовым шампанским «Мадам Помпадур». На дипломной практике в Загорске, ныне Сергиевом Посаде, во всех продмагах обьявился датский «Черри-керри» — вишневый ликер, который и в самой Европе-то редкость! Словом, была страна чудес, ребята.

...Однако опять отвлекся. Так вот, сидят джентльмены перед камином, сигарами дымят, портвешок гурмански прихлебывают. «А что, сэр Генри, недурственный ведь портвейн?» — «Да, лорд Уильям, давненько я такого портвейна не пивал. Хороший у вас винный погреб, однако». — «Сэр Генри! Так я специально камердинеру велел принести бутылочку из заветного ящика. Это же прафиллоксера!» — «Да-а? Я потрясен, лорд Уильям. То-то мои вкусовые рецепторы подсказывают: никак достопочтенный хозяин замка велел подать прафиллоксеру! Польщен...»

И так далее эти джентльмены беседуют вперемежку о высокой политике кабинета министров ее величества королевы Британии и императрицы Индии Виктории и достоинствах портвешка категории прафиллоксеры. А что такое обозначается этим термином, отдающим одновременно биологией и химией? С кафедры биологии есть желающие?

– Да-да, – зачастила отличница в очках, – про приставку «пра» не знаю, а филлоксера – насекомое, разновидность тли.

– Спасибо, уважаемая. Добавлю, что эта тля специализируется на листьях и корнях виноградных кустов. С античных времен в Европе – от Пиренеев до Крыма и Кавказа – холили и лелеяли виноградную лозу, в итоге выводя уникальные сорта, каждый из которых придавал выделяемому вину неповторимый вкус. Но, как говорится, все зло идет из Америки: сифилис, табак, марихуана, колорадский жук, атомная бомба, голливудские фильмы и так далее. Вот и тля эта в последней трети позапрошлого века оттуда же попала в Европу и за короткий срок начисто истребила все виноградники – от тех же Пиренеев до винной житницы империи Российской: Бессарабии, Крыма и Кавказа. Как ни боролись с ней, например в России даже правительственные филлоксерные комитеты были созданы, толку не было: все виноградное сортовое изобилие, тысячелетиями создававшееся, в Старом Свете погибло. И только в начале тысяча девятисотых годов с трудом восстанавливали европейские лозы на подвоях лоз американских, которые, своя свою познаша, могут противостоят филлоксере.

Таким образом, появились сорта винограда, а значит, и вина из него, уже генетически чуждые прежним сортам – и вин в том числе. Нечто иное. Мы с вами, коль скоро винных наследственных замковых подвалов не имеем, уже никогда не сможем ощутить своими рецепторами тот исчезнувший вкус и аромат исторического европейского винограда и вина из него. Увы, уже сто со многими годами в придачу лет европеец ест и пьет американизированный виноград и вино из него. И только те самые английские джентльмены, которые у камина и с сигарами, могли, да и то в начале – первой трети прошлого века, побаловать себя коллекционным портвешком, произведенным из дофиллоксерного европейского винограда. Отсюда и название таких редкостных вин – прафиллоксера, то есть выделанные до нашествия американской тли на европейские виноградники. А к чему у такой странной экскурс в историю сделал – это чтобы понятнее стало содержание моей лекции. Итак.

Если прафиллоксера есть «до филлоксеры», то позволю себе ввести термин постфиллоксера – «после филлоксеры». Улавливаете кардинальное различие? – До и после, а между ними полный разрыв преемственности. Считается, что в человеческой, социумной эволюции такой радикальный разрыв преемственности есть нонсенс. Кстати говоря, поясню причину настоящей лекции и почему руководство университета через исполнителя – отдел

аспирантуры сделало такое предложение именно мне, как говорится, человеку со многими степенями и званиями в науке, но напрочь лишенному всяких, даже самых ничтожных должностей, что в нашу эпоху административного восторга соответствует этой нуль-валентности. Аспиранты с кафедры химии это мигом себе представляют.

Как мне, не без основания на то, представляется, из минвуза, где чиновников немыслимо много, всем им надо каждодневно отчитываться за высокую столичную зарплату, спущен по вертикали подчинения очередной – из бесчисленной череды – циркуляр об усилении работы с кузницей кадров высшей квалификации в части более осмысленной ориентации молодых ученых, то есть аспирантов и докторантов вузов, в генеральной проблематике современной науки... уф-ф, что-то в таком смысле, но явно более канцелярским диалектом русского языка. С примесью устоявшихся американизмов. Ректор, понятно дело, человек архизанятый физическим, так сказать, выживанием университета, в бумагу эту не вчитывался, а прямо адресовал проректору на науке. Тот, как человек старого закала, прочитал, тут же эту белиберду напрочь забыл и переадресовал в отдел аспирантуры. Там же коллектив женский, поэтому, не докапываясь до глубинной сути – многие знания приносят многие скорби! – с ходу уловили сущность внешнюю: провести мероприятие и по всей восходящей вертикали отчитаться. А заведующей отделом, милейшей Галине Степановне, тотчас и кандидатура стрелочника определилась, то есть ваш покорный слуга, хорошо ей известный по моим многочисленным поколениям воспитанных аспирантов, ранее бывший председателем сразу двух диссертационных советов, главное – умеющий говорить по сути вопроса, а не научно-бюрократическими штампованными фразами ни о чем. Вот и вся предыстория нашей с вами, полупочтенные, сегодняшней встречи. С другой стороны, и мне, лекций не читающему, иногда полезно с молодыми людьми Федерации Российской побеседовать, и вам положенный соответствующим распоряжением урок отбыть.

Собрали вас со всех кафедр; как говаривали царские гимназисты, от чистописания и закона божия до физики Краевича и бинома Ньютонова, поэтому и буду говорить о пресловутой «осмысленной ориентации» в современной науке понятийно, стараясь избегать акцентации на конкретные научные отрасли, хотя... как говорил персонаж знаменитого фильма Данелии, наверняка вам знакомого, общество без цветовой дифференциации штанов не имеет будущего. Что-то в этом смысле, а значит, говорить о чем-либо в общем,

значит, не оставлять особого следа в памяти. Но все же постарайтесь хоть суть уловить.

Еще один существенный момент: все мы с вами имеем глубочайшее несчастье присутствовать в исторической человеческой комедии на самой крутизне взлета процесса глобализации. Поэтому рассуждая о чем угодно, в нашем случае о науке, употребляя слова и понятия навроде некоей национальной идеи, государственной исключительности, словом, делить на «ваше» и «наше» по меньшей мере излишне. На то она и глобализация, чтобы любой процесс объективно исследовать применительно только ко всему земшару, говоря словами Маяковского, а не разделяя его на всякие европы и америки... тоже вроде он говорил. А всякие там противостояния, «наше дело правое, а ваше – наоборот» и так далее, о чем круглосуточно актеры, изображающие «ведущих политологов», на телеэкранах беснуются, это всего лишь сложная, математически – и гениально! – рассчитанная кем надо, что обычно называют тайным мировым правительством, гибридная стратегия и тактика глобализации. Поверьте, это не в обиду никому не будь сказано. Поэтому выделять какую-то такую национальную идею все одно что у братьев-хохлов сейчас гипертрофированная самостийность и незалежность. Они даже неизбежные американизмы украинизируют: вместо шоу и вау нарочито выговаривают шову и увау! Еще у америкосов имеется со времен декларации о независимости тринадцати штатов национальная идея, она же сейчас общечеловеческая ценность: доллар.

Ишь вы как, соколята, при заветном слове встрепенулись! Даже приморенные после своих подработочных трудовней и трудоночей за компом из полусна в явь перекинулись. Ладно, ладно, шуткую, за обиду не считите. Ибо раз глобализация есть всеми признанная реальность, то и ее условно-расчетная единица также таковой является. А если со временем на смену доллару что-то и придет, то явно не тугрик или тенге, но виртуальный битковен... или как там он правильно называется – это вы уж намного лучше меня ориентируетесь. Я ко всем таким компам-гэджикам ближе чем на полтора метра не подхожу, ибо с десятков лет тому назад создал биофизическую теорию об оглуплении человека использованием этих штуквин. И снова возвращаемся к нашим пра и пост.

«Прервалась связь времен» по Шекспиру. Удачнее не скажешь, поэтому кстати и некстати постоянно повторяют слова этого, одного из двух – второй Ньютон – британских гениев. Вот в литературе Россия дала миру равнозначного Шекспиру гения – Федора Михайловича Достоевского, в науке же, увы, «собственных Платонов и быстрых разумом

Невтонов» наше отечество не дало. Тем более не даст в «светлом» глобо-будущем. И не дало по той причине, по каковой же во всей истории науки наши умы всегда были предвосхищаемы европейской мыслью, что народ наш в той же истории всемирной слишком молод еще: не было у него европейской античности, в свою очередь, вобравшей в себя предыдущие тысячелетия Египта, Иудеи, Финикии, Персии, быть может, и совсем не мифологической Атлантиды. И Христову мораль, высшую в цивилизации, Запад на тысячу лет раньше нас воспринял. То есть вовсе не школьная зубоворка о трехсотлетнем татаро-монгольском иге, в котором, кстати говоря, Московско-Суздальско-Владимирская Русь являлась вполне автономным государством, есть причина нашей вторичности в отношении Европы, а только наша молодость!

Увы, ребята, но связь времен, в науке в том числе, уже разорвана, и «пост» уже иного сорта фрукт, нежели уходящее в небытие «пра». Как современная мадера массандровская – впрочем, в ее качестве я сомневаюсь, нечто совершенно иное по сравнению с прафиллоксерной мадерой тех же крымских виноградников Воронцова. Тем более – с острова Мадейры. Что с корабликом на этикетке, прафиллоксеру которой Григорий Распутин распивал в последний день своей бурной жизни у князя Феликса Юсупова – прямого потомка брата пророка Магомета...

Законный вопрос: зачем социальной эволюции человечества, доселе десять тысяч лет протекавшей размеренно, без разрыва «связи времен», именно сейчас, в наступившую эпоху глобализации, потребовалось свершить такой радикальный разрыв? Ответ без лицемерия, всякой там толерантности и политкорректности прост: индивидуальный человек выполнил свою задачу, создав технический информационный мир, которому его создатель в биологической форме homo sapiens, именно как мыслящая индивидуальность! уже без надобности. Главное, что этот самый хомо к сегодняшнему дню силой своего знания уже все открыл и обосновал в мире законов и объектов, их соединяющих процессов – все, что ему, так сказать, доверено знать эволюцией. Да вы и сами это прекрасно видите: надобность в человеке, в массовости интеллектов, уже налицо. И телеящик о том же твердит, дескать, уже завтра все будут делать роботы... при этом лицемерно опуская естественный вопрос: а что же остается делать человеку? и нужен ли он вообще?

– А кто же будет этими роботами управлять, создавать все более совершенные их варианты? – воспользовалась паузой профессора давешняя отличница в очках, с кафедры биологии.

– Управлять же процессом, но уже не науч-

но-техническим для людей, а виртуально-информационным – пока никто не может ответить для кого, – будет виртуальный же коллективный разум. Звучит красиво и вроде как оптимистично, но на самом деле – зловеще. Опять немного из истории. Сейчас в фаворе коллекционировать доллары и евро, на худой конец рубли. Я же человек советского закала, поэтому собираю различные интересные книги старых изданий. Поэтому я издавна постоянный клиент нашего букинистического магазина, что рядом с областным драмтеатром, а когда-то, в давние времена, в самом начале проспекта располагался, где сейчас площадь перед кремлем и зданием администрации. Как-то, роюсь на его полках, нашел очень редкое издание, о котором ранее встретил упоминание у одного из наших классиков, а именно изданный в Одессе в середине девятнадцатого века «Новороссийский литературный сборник». В два вечера прочитал его и особо отметил слова составителя и редактора сборника некоего Георгиевского, смысл которых в следующем: *любая коллективизация, централизация умственной деятельности суть ненормальное, вредное явление, ибо таковое парализует разумную жизнедеятельность всех остальных частей общества...* Это я на современном языке передаю. А завершает это умозаключение Георгиевский словами: «Стягивает все силы к одному пункту».

То есть таковое определение доминанты коллективного разума, данное полтора столетия назад, действительно в уныние повергает. Так понимаю, что из фантастики в школьные годы вы одну американщину читали, минуя великолепных советских мастеров этого жанра, того же Алексея Толстого, Беляева, Ефремова, Еремея Парнова... я прав? А вот у второго из мною названных описан как раз символ будущего коллективного разума – централизации умственной деятельности. Имею в виду голову профессора Дуэля. То есть взятая отдельно мыслящая голова системой электродов подключена...

– Так ее специально отрубили, что ли? Где-то читал похожее у Саймака, – невежливо перебил профессор все тот же весельчак с верхнего ряда амфитеатра, что требовал реабилитации господ.

– Юноша, знаний алчущий! Сожалею, но нет времени пересказывать эту знаковую фантастическую повесть. Уж не поленитесь на досуге сами прочитать. Итак, мыслящая голова профессора Дуэля подключена к технической системе, которой он и управляет централизованно. Полнейшая аналогия с нашей современностью, в которой человек, то есть его голова, является составной частью всемирной телекоммуникационной сети, того же интернета.

Следующий шаг, к которому мы уже близки, – уже запрограммированная работа сети вовсе без необходимого ею человека. Это и есть глобальный виртуальный коллективный разум.

У нас еще целый академический час с четвертью в запасе, в течение которых я и разовью тему лекции в конкретизации науки и технологий современных и в ближней перспективе, что, собственно, и есть тема лекции.

После лекции Жора, Гена и Стас вернулись в «Наливайку», благо до нее идти от главного корпуса три-четыре минуты, выходя из которой перед лекцией они и столкнулись с профессором Скородумовым. Причина «продолжения банкета» – старшему из троицы Стасу сегодня стукнуло четверть века; Жора с Геной на год с месяцами (разными) моложе, а содружество их еще со школьных лет: двое последних и живут в одном квартале и учились в параллельных классах. Со Стасом они познакомились в студенческие годы, подрабатывая по компьютерной части в одной конторке, специализировавшейся на разработке сайтов по заказу мелких фирм, торговых компаний и вообще «за ваши деньги любой каприз». Заодно неопасно хакерствовали – тоже по заказам, но избегали криминала. Хотя... в нынешней жизни мелкого частнособственничества сложно хоть в чем-то, но не преступить черту этого самого криминала. Учились все трое на различных факультетах, кафедры нынешнего аспиранства тоже в разных корпусах. К тому же сейчас и работали все розно. Чтобы не терять содружества, пару-тройку раз в году устраивали мальчишники. А сегодня и сам бог велел: первый малый юбилей в их троице – «четвертой» Стасу – и встреча на лекции, за обязательное посещение которой каждый расписался в распоряжениях по своим кафедрам.

За их двухчасовое отсутствие в славном заведении «Наливай-ка!» мало что изменилось: уса-тый парень за барной стойкой, он же «наливайчик», его молоденькая помощница, она и официантка. Из пяти столиков два свободные. Если перед лекцией они наспех хватили по сотке у стойки, то сейчас поосновательнее расположились за одним из столов, заказали подскочившей Маше, смахивающей на старшеклассницу, бутылек вполне съедобной водки розлива в Ленобласти, на закуску горячего и селедочки с зеленым горошком. Осмотрелись: за одним из столиков явно молодые преподы что-то отмечали, за двумя другими – сборная солянка, тоже из молодежи. А на высоком стульчике у бара сидела все та же скучная, некрасивая и прыщавая студентка; как и пару часов назад, перед ней стояли почти нетронутая тарелка с нарезанной вареной картошкой, посы-

панной лучком, и стакан с самым дешевым соком.

– Смотри, – хихикнул Жорка, – все женихов ждет!

– Да-а, – жалеючи посмотрел на девицу Генка, окончивший детскую музыкальную школу, – прямо Сольвейг, «весна пролетела, и лето прошло». Жалею девок некрасивых. Ну, разливай за здоровье нашего юбиляра!

Выпили, с чувством закусили отменной мало-сольной селедочкой. Генка подтолкнул Жорку локтем:

– Эк тебя профессор лихо осадил и по части господ, и про отрезанную голову его коллеги профессора Доуэля!

– Хм-м, сироту всякий обидеть может, тем более – он профессор многократно заслуженный, я же бесправный аспирант...

– Такого казанского сироту, – съязвил Генка, – с вольно болтающимся языком чёрту знакомому подарить, а незнакомый в обрат в мешке принесет! Так моя бабуся отцу говорит, когда тот с корпоратива на бровях домой приходит. И чего это нас принудили на лекцию? Два часа времени только потеряли.

– Не скажи, мой юный друг, – вступил Стас, – ты вот начал говорить, прямо-таки по Далю, живым великорусским слоганом. Правильно профессор про бизнес и проблему, как самые паскудные американцы, сказал. Действительно ведь, бизнес – это только зарабатывание бабок каким угодно способом. И полный идиотизм, как сказал Скородумов, говорить про «лечение проблем». А суть его лекции – вполне аргументированное разъяснение: в глобальном постсоциуме наука, в прежнем ее толковании, подменяется утилитарными технологиями, к

тому же стопроцентно оцифрованными. Так что мы, братья мои, хоть на год, но меньшие, уже не наукой будем увлеченно заниматься, как наш уважаемый профессор, но в лучшем случае станем несколько ущербными головами профессора Доуэля при компах... даже не головами, а пальцами рук при клавиатурах. Впрочем, лет через пяток, может, и пораньше, когда америкосы с джапанцами поставят на поток в Китае систему интерактивного голосового общения с компами, руки тоже не понадобятся – только язык. И еще через пять лет – считывание с сетчатки глаза. Впрочем, как наш профи предрекает, человек и вовсе выпадет из этих самых цифровых технологий. Давай по второй за несчастливое будущее, но уже скорое, человечества! Понятно, и за нас с вами. Прозит!

Принялись, нагуляв аппетит недурственной водочкой из Ленобласти, пропущенной, как радостно сообщалось на этикетке, через серебряный фильтр, за горячее.

Беседа с обсуждением лекции профессора Скородумова с акцентированными выкриками Жорки: «пора из рашки этой в Европу, а лучше в Штаты валить!» Генки: «защищусь для профформы и к дядьке, управляющему в супермаркете «Амстердам», работать пойду компьютерщиком!» и урезонивающим голосом Стаса: «все там будем!» затянулась. Опустевшую бутылку ленобластной дополняли разлитой в стаканах, приносимых шустрой Машей. До песняка дело не дошло, содержание лекции одобрили, но остались при своих – у каждого – мнениях. *Gaudeamus igitur*, словом.

□

Алексей Афанасьевич Яшин

родом из Заполярья (г. Полярный).

Выпускник Литературного института им. А. М. Горького.

Главный редактор всероссийского

литературного журнала «Приокские зори»,

член правления Академии российской литературы,

лауреат международных, российских и белорусских литературных премий.

Член Союзов писателей СССР и России,

Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Заслуженный деятель науки РФ,

доктор технических наук, доктор биологических наук,

лауреат научных премий Комсомола и им. Н. И. Пирогова.

